

География поэзии русского зарубежья

Fulgur CONDITUM (ГРЕЦИЯ)

Археолог по образованию, автор нескольких поэтических сборников, писатель, переводчик с греческого языка. С 2007 года постоянно проживает в Греции, сотрудник Института Балканских исследований (г. Салоники). Победитель поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» (2015 г.). В настоящее время готовит к изданию сборник избранных произведений лауреата Нобелевской премии Одиссеаса Элитиса (Москва, изд-во ОГИ). Помимо собственных работ автора, в Греции издавались стихотворения Осипа Мандельштама в его переводах (журнал «Στέλα», 2016 г.). Основная часть авторских произведений доступна для чтения на независимом интернет-ресурсе weltschmerz.fm

Латинское имя, которым автор подписывает свои работы, является не псевдонимом или частью «творческого образа», но неотъемлемой частью его идентичности.

НЕГРОМКИЕ ПЕСНИ: ОЧЕРК СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ ГРЕЦИИ

...не счесть потерь,
И, как на паперти, отгёрта
Широким вздохом настезь дверь,

От наступающего ветра.
По стенам стон, по крышам дробь,
По окнам беглый, по открытым,
И незаконченная скорбь
Через мгновенье будет смыта.

Настиг налётом. Что теперь?
И вдруг такое обнищанье,
Что и поспешный счёт потерь
Звучит последним подаяньем.

Я цитирую стихотворение Перикла Ставрова (Ставропуло), опубликованное в Париже в 1933 году. Эллин по крови и одессит по рождению, вхожий в литературные круги, знакомый с Багрицким, Катаевым, Бабелем и Олешей, после революции Ставров эмигрировал в Грецию, – но на исторической родине оказался совершенно чужим, *русским*, изолированным от буйной общественной жизни страны, и вынужден был вновь уехать, на сей раз в Париж. Миновало девяносто два года с того дня, когда Ставров сошёл с корабля в Пирее и ненадолго стал афинянином, а строки, которые я привожу, как нельзя злободневны: именно эту атмосферу *счёта потерь* замечаешь прежде всего, задумываясь о русской поэзии в Греции наших дней.

Нет, я ни в коей мере не хочу сказать, что русской поэзии в Греции нет вовсе. Но, во-первых, она могла бы звучать громче: сейчас её голос тих, практически неразличим в полифоническом шуме эмигрантской литературы. И во-вторых: к общему перечню утрат, без которых не представима культура ни одной диаспоры, здесь нередко добавляется травматический опыт непринятого репатрианта, ощущение изгнанничества и неприкаянности – настроения, во многом потерявшие актуальность в эмигрантской среде других стран. Подавляющее большинство русскоговорящих эмигрантов в Греции – потомки выходцев из Малой Азии, понтийских греков, после геноцида 1919 года нашедших пристанище на юге России и на Кавказе, переживших сталинские гонения и приехавших на берега Эгейского моря в поисках некой полумифической, многие века назад потерянной отчизны. Но найти её первое поколение эмигрантов не смогло. «В чужих краях я эллин, а в Греции чужак», – пел знаменитый певец Стелиос Казандзидис, и эта трагедия стала как основной причиной изоляции, так и лейтмотивом того литературного творчества, что могло возникнуть в её условиях.

Такая грустнопустая цифра отчёта –
Нуль
От прерванной биографии предков.
Я стерплю,
Потому, что моложе предков.
Закон атавизма –
Помнить.
Я стерплю, потому, что нет выбора.
Ты ж, судьба моя, моложе меня
И, может быть,
Менее рукотворяща.

Так отвечает на этот тяжелейший экзистенциальный вызов Иван Кириакиди, автор семи поэтических сборников, последний из которых – «Исповедь свечи» – увидел свет в афинском издательстве «Истрос» в 2014 году.

Моё время – ночь.

Я там живу.
И рядом греется породистая память
Чужих времён.
Я б начинал умнеть с рассвета до полночи
Вернее, может быть, хотел бы,
Но мешают всего две буквы – «бы»

– пишет Кириакиди в другом стихотворении, и это безусловно русская поэтесса, выведенная в общеевропейское пространство, но человек, знакомый с греческой литературой, не сможет не заметить, как созвучна она греческим поэтам середины XX века: перевести эти тексты – и окажется, что Мильтос Сахтурис и Кики Димула находятся где-то совсем рядом, причём вовсе не как прототипы или образцы для подражания, но как то мягкое, благородное эхо, которым отзывается в нашем творчестве хорошо усвоенное чужое. Так, приглушённым и ненавязчивым отголоском, музыка новейшей греческой поэзии проникает в стихи Кириакиди, и в «породистой памяти чужих времён» открывается второй слой: теперь это уже не только собственная историческая память поэта, но и историческая память страны, в которую он приехал. И, как всегда бывает при достаточном погружении в культуру, строй его речи начинает сам по себе нащупывать приёмы, к которым прибегли бы местные авторы:

Не кончается начало и конец
В пружине хромосом и генов,
А может быть, и в сборе урожая
Моих таинственных дыханий,
И в начале состраданий
Тяжеловестных сновидений.
И следов слепых корней
Подземных огнежизней,
Нерасшифрованных жрецами пирамид.

Здесь я уже узнаю интонации совсем современных, сегодняшних поэтов, моих друзей и собеседников, – например, Эктора Пантазиса, – и нахожу такие же выразительные средства, что у них: эти нежно любимые греческими литераторами игры с составными словами («тяжеловестных», «огнежизней»), этот импрессионизм, граничащий с автоматическим письмом, этот плавкий эклектизм образов, в котором, однако же, всегда сквозит ускользающий намёк на ясную кристаллическую структуру. И в то же время я интуитивно понимаю, что с Эктором Пантазисом Иван Кириакиди едва ли знаком: все сходства, говорю я себе, обусловлены чуткостью к общей среде, языковой и культурной, и к духу времени, как он выражается здесь и сейчас.

Между тем, живущий в Афинах Юрий Ряженцев, постоянный автор литературного журнала «Девять Муз», остаётся верен чистой ностальгии:

Не снегом вешним замело Афины –
То снежно апельсины зацвели.
И аромат, стекающий с вершины,
Мешается с дыханием земли.

(...)

Всегда нежданны ранние седины –
В скитаньях мы до срока отцвели.
Не потому ль грустим, сутуля спины,
В Россию провожая корабли?

Сопоставление стихов Ряженцева со стихами Кириакиди на первый взгляд может показаться элементарной неразборчивостью: ясно, что у Ряженцева невозможно обнаружить яркого, самостоятельного стиля. Но – и здесь снова возникает переключка с уже упоминавшимся Периклом Ставровым – их кроткая подражательность почему-то оказывается художественным приёмом сама по себе; их хочется сравнить с бережно хранимыми в эмигрантских квартирах реликвиями советского быта, выглядящего здесь едва ли не потусторонним. И тем самым эти нехитрые строчки становятся диалектическим противовесом, близнецом-перевёртышем стихов Кириакиди. Положить одно рядом с другим – и увидишь неразделимые, как аверс и реверс монеты, основные движущие силы эмигрантского сообщества: интеграцию и инерцию.

Эти мои слова могут быть применены и к другим авторам: той же ностальгической бесхитростности исполнены стихи Татьяны Устиновой-Рафтопулу и Елены Прутяновой (Афины), ставших, вместе с Ю. Ряженцевым и Г. Велласом, авторами сборника «Под небом Эллады» (2013 г.) – едва ли не единственной попытки представить русскоязычную греческую поэзию в России.

Впрочем, попытки представить её на своей территории были, есть и не прекращаются. Так усилиями писательницы Ирины Анастасиади проводятся Международный форум писателей на острове Тинос и фестиваль «Визит к Музам», так проходят поэтические мероприятия в рамках «Перекрёстного года», но основными звёздами на них становятся авторы из других стран, а открывая стихи самой Анастасиади, сразу же понимаешь, что и они – плоть от плоти всё той же скромной, аскетичной второстепенности, и первое, что выхватывает взгляд среди пасторальных описаний греческих ландшафтов и быта, – это признание в той же неизъяснимой тревоге:

Хочется гулять да гулять
И не думать ни о чём.
Просто пить этот сладкий

Воздух,
Впускать в себя магнитные
Волны Тиноса
И пьянеть.
И видеть сны...
Но какое-то беспокойство
Гложет меня изнутри.
Кричит по ночам в ухо,
Призывая к чему-то...
И я покорно встаю,
Сажусь за письменный стол
И пишу,
Пока в глазах не потемнеет, да
Пальцы не перестают слушать
Приказы разума.
Тогда я возвращаюсь в постель
И проваливаюсь
В чёрный,
Душный сон.

Да: русскоязычная поэзия Греции по преимуществу такова. Она тиха, неярка и занята кропотливым подсчётом потерь. Её основное пристанище – газетная страница: «Омония», «Русские Афины», «Афинский курьер». Её основные читатели – пожилые завсегдагаи крохотных русских магазинчиков с громкими названиями «Москва» или «Столица». Она вращается вокруг прежних забот, привезённых в первых эмигрантских чемоданах, и в большинстве случаев, выбирая из двух титанических сил, интеграции и инерции, отдаёт предпочтение второй. Приезжий может сказать о таком положении дел свысока, но у человека, прожившего здесь добрый десяток лет, ни капли высокомерия не остаётся, и, созерцая этот пустынный литературный ландшафт, хочется только повторять про себя строчки Ставрова:

Поворачивай дни покороче,
Веселее по осени стынь,
Ведь в холодные, ясные ночи
Выше звёзды и горше полынь.

Если ходу осталось немного,
Если холодом вечер омыт –
Веселей и стеклянной дорога,
Как струна, под ногами звенит.

Не спеша, в отдаленьи собачий
Вырастает и мечется вой,
И размах беспечальной бродячий
Под высокой, пустой синевой.

Все прошло, развалилось, опало
В светлой сырости осени злой,
И взлетает последняя жалость,
Легче крыльев за бедной спиной.

* * *

Вроде бы, правило сформулировано. Но любое правило окажется ложным, если не упомянуть об исключениях, – и нарисованная мною картина будет несправедливой, если я не расскажу, например, о том, насколько контрастирует с этими скромными шёпотами голос Олега Цыбенко – выдающегося переводчика, подарившего русскому читателю Диодора Сицилийского, Сефериса и Казандзакиса, – голос космополитический, сильный, в равной мере привольно чувствующий себя и в Греции, и, предположим, в Италии:

Львы сидят персидскими котами,
Кругломордо созерцая струи,
А вокруг спуют автомобили,
Мотоциклов треск, ваниль *бугацы*....
Впрочем... Я на площади Navona –
Между метами Нептуна и Тритонов
In Agone: здесь несутся кони,
Гневно пыль взбивая на ристаньях,
Разбивая вдребезг колесницы
И влачат неистово возничих.

Если читатель захочет найти в интернете стихотворения Олега Цыбенко, он, скорее всего, сможет обнаружить лишь пару текстов. Но зато он может найти стихотворения некоего знатного римского гражданина по имени Эмилий Сабин (Aemilius Sabinus) – например, такие:

Я из дальних земель,
Из-за дальних морей
Приносил красоту,
Приносил волшебство
В город детства,
Который и городом не был,
А был целым миром.
Это город львов –
Город львиц над воротами Микен,
Город мудрого льва меж распахнутых крыл
С распахнувшейся книгой, написанной Марком.
Он подёрнут был золотом римской листвы,
Голубым итакийским туманом укрыт

И рассыпчатым мраком мадридских контрфорсов.
В нём был склон в монастырском саду,
Напоённый душистостью трав,
Наподобие склона афинского Пника.
В нём – российский простор и испанская грусть,
В нём – Страна Дураков в покосившихся улочках Пизы,
В нём – египетских статуй извечный покой,
А в цветах его парков – индийские краски...

Именно в стихах Эмилия Сабина появляется то, чего мучительно не хватает греческой «эмигрантской лирике»: масштаб. Это всегда полёт над развёрнутой картой Средиземноморья – и всегда стратиграфический разрез, в котором обнажены напластования эпох:

Там, у лавочек с треснувшей краской зелёной Эней торопливо
Сходит по склону, Анхиза неся на спине, осторожно,
Следом – Асканий, мой сверстник, идёт по тропинке.
Солнце садится, пылая троянским пожаром,
Солнце садится, лемносским вином разливаясь по небу,
В детстве моём, а теперь и в богемной афинской таверне...

У Эмилия Сабина есть и буйная щедрость азианской софистики, и изящная ритмическая пластика, не позволяющая его квазигекзаметрам зазвучать как фальшивый новодел, и риторическая подкованность, и имперская широта кругозора, и, что немаловажно, чистота взгляда (каким бы архаичным ни казался сегодня такой критерий). Но в творчестве этого, по множеству параметров примечательного, автора кроется другая беда: ему приходилось не столько создавать свои собственные стихи, сколько отвечать на стихи поэтов, с которыми работал его «отец». Так Олег Цыбенко переводил «Итаку» Кавафиса – а Эмилий Сабин прилежно комментировал:

Итака нужна из моего детства
С горкой, хранимой разбитыми смиренными львами,
С далью туманной у псевдоготических шпилей
То ли Кремля, то ли Собора в Милане,
С клумбами свеч фиолетовых, с рощей персидской сирени
у дома Цирцеи.

И всё-таки эта маленькая мистификация слишком хороша, чтобы остаться незамеченной. Луций Эмилий Сабин (теперь я могу разгласить и его праепомен) уже прославился в узких кругах как прозаик и автор эпистолярного романа «Об оружии и Эросе», вышедшего в серии «Античная библиотека» в 2011 году – и иногда я задаюсь вопросом, нашлись ли читатели, принявшие это сочинение за аутентичный

древний текст, – но его немногочисленным стихам так и не были возданы должные почести, и я сейчас исправляю эту несправедливость.

* * *

Так с поэзией эмиграции. В одной точке её экстремума – потерянность, оставленность, кроткая ностальгия, в другой – отчаянное стремление обрести «Итаку из детства», причаститься нежной и полногласной античной гармонии, но это второе, если присмотреться к нему получше, оборачивается ещё большей ностальгией, чем первое. Итака кажется постоянно удаляющейся. Недостижимой. Впрочем, это Константинос Кавафис завещал молиться о том, чтобы путь к ней был долгим. Вероятно, мы всего лишь неосознанно выполняем его завет.

А внимание грекоязычных читателей между тем приковано к русской поэзии как никогда прежде. Я не преувеличиваю: интерес к русской литературе в целом был присущ грекам всегда, и отдельные авторы – Пушкин, Маяковский, Мандельштам – нередко выходили на первые позиции в списках самых читаемых зарубежных поэтов, но я не могу найти историческую аналогию, когда греческий читатель захотел бы усвоить русскую поэзию как целостный, комплексный феномен, начиная с самых выдающихся авторов и заканчивая малоизвестными. Сейчас намечается именно такая тенденция. Тому немало поспособствовал набирающий популярность альманах «Степь» (Στέπια) – проект журналиста и переводчика Димитриса Триандафиллидиса, практически полностью посвящённый русской литературе. Благодаря ему в Греции стали известны имена Бориса Рыжего, Ольги Седаковой, Елены Зейферт и многих других, менее знаменитых, авторов начала XXI в. Судя по мощному резонансу, они пришлись исключительно к месту и ко времени в смутной пост-меморандумной стране, где симптомы нарастающего кризиса идентичности кажутся уроженцу России подозрительно *знакомыми*, уже единожды прожитыми в девяностых. Подобным образом возрастает сейчас в России интерес к творчеству поэтов-экспрессионистов, – Гейма, Бенна, Тракля, – или к Томасу Стернзу Элиоту, к Паулю Целану: национальная культура той или иной эпохи не может ограничиваться отражением себя самой в своих же собственных порождениях; для самоосмысления ей всегда необходим диалог с удалёнными, но близкими по духу собеседниками. Вероятно, русская поэзия сейчас приближается к тому, чтобы стать такой собеседницей для Греции, но говорить об этом как о решённом деле я не могу: литература – не та сфера, где уместны прогнозы и ставки.

Какой будет поэзия эмигрантов, приехавших в страну за последние пять лет, сказать невозможно тоже. Пока её голоса не слышны. Но хотелось бы, чтобы был услышан голос сегодняшней *тихой* поэзии – например, голос Ивана Кириакиди, признающегося:

Я против течения,
Я против ветра,
Я против движенья –
Застыл на месте,
На месте своём.
Это я проснулся стихами,
Чуть прихрамывая душой
От бездомья и от безслёзья,
Пересыпанный сединой.

30-XI-2018, Thessaloniki